

THE ROLE OF RUSSIAN LINGUISTS IN THE UNIFICATION OF SPELLING

Dilbar F. Nurmukhamedova*

* Gulistan State University (Republic of Uzbekistan)

Abstract – The process of unifying spelling in the Russian language took quite a long time, but its main stages occurred at the end of the 9th - beginning of the 20th centuries. In this article we will try to show, using several examples, the difficulties of unification work that Russian linguists encountered. In general, the task in this direction is to, taking into account firmly established practice and the decree of 1917-1918, to establish unity where until now there were many contradictory options. In this study, an attempt will be made to find out which decisions of Russian linguists to unify spelling in the Russian language were successful and became the language standard, and which were not approved both officially and in the colloquial version of the Russian language.

Index Terms – Russian language, spelling, orthography, unification, linguistics.

РОЛЬ РУССКИХ ЛИНГВИСТОВ В УНИФИКАЦИИ ПРАВОПИСАНИЯ

Нурмухамедова Дилбар Фаруховна*

* Гулистанский государственный университет (Республика Узбекистан)

Аннотация – Процесс унификации правописания в русском языке проходил достаточно долго, однако основные его этапы пришлось на конец XIX – начало XX веков. В настоящей статье мы попытаемся на нескольких примерах показать те трудности унификационной работы, с которыми столкнулись русские лингвисты. В целом, задача в данном направлении состоит в том, чтобы, считаясь с твердо установленной практикой и декретом 1917–1918 гг., установить единство там, где до сих пор имелось множество разноречивых вариантов. В данном исследовании будет сделана попытка выяснить, какие решения русских лингвистов по унификации правописания в русском языке оказались удачными и стали языковым стандартом, а какие не были утверждены как официально, так и в разговорном варианте русского языка.

Ключевые слова – русский язык, правописание, орфография, унификация, лингвистика.

I. ВВЕДЕНИЕ

Борьба за грамотность немыслима без единой системы письма, равно обязательной для школы, печати и делопроизводства [1]. Такая единая и общеобязательная система письма должна быть точно регламентирована и закреплена в законодательном порядке. За всю историю русского письма мы знаем только два законодательных акта: указ Петра I о переходе с церковно-славянского шрифта на гражданский и декрет советской власти 1917 г. (повторенный с сокращением двух пунктов в 1918 г.) [2]. Однако первый из этих актов, отдаленный от нас двумя веками, не содержал в себе ничего орфографического, второй же, в основном исправляя и упрощая алфавит, затронул только некоторые частности, отнюдь не претендуя на значение свода, регламентирующего наше письмо в целом. Практика в основном руководствуется Гротом [3], но тут-то и возникают трудности: орфографические изыскания Грота – прежде всего научные исследования и рассуждения, а отнюдь не законодательный документ или справочник; многие наиболее спорные вопросы (например, о написании о или е после шипящих) Гротом не разрешены или разрешены в плане сохранения существовавшего разнобоя; количество орфографических категорий, охваченных Гротом, недостаточно даже в пределах школьных нужд (он далеко не полно изложил вопрос о прописных буквах, очень случайно затронут им вопрос о применении дефиса, мало разработана пунктуация). Кроме того, со времен Грота (70–80-е годы XIX столетия) произошли значительные сдвиги в русском языке и

возникли новые задачи перед пишущими и печатающими, ответ на которые никак нельзя найти в «Русском правописании» (мы имеем в виду, например, процесс онаречивания сочетаний предлогов с существительными, появление категории сложносокращенных слов и т.п.) [3].

II. НОРМЫ ПРАВОПИСАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕЧАТИ

Поэтому совершенно понятно, что для школы авторы учебников, а для печати авторы различных справочников пытались кодифицировать (каждый по-своему) затруднительные вопросы правописания. Надо к этому еще добавить, что до 1917 г. нормы орфографии (исходившие от Грота [3]) были обязательны только для школы, печать же руководствовалась «своими соображениями», а каждый писатель мог проводить свою орфографию [6]. С того момента, когда издательское дело было национализировано и образовался Госиздат, наследственный разнобой в орфографии печатных произведений стал очевидным. Попытки «радикальных реформ» русского правописания, предпринятые «Учительской газетой», Главнаукой и в дальнейшем НИЯЗом (Научно-исследовательским институтом языкознания) в 1929–1931 гг., закончились неудачей. Но так как практика школы и печати требовала срочного разрешения неотложных орфографических вопросов, то отдельные авторы учебников и составители орфографических словарей и справочников продолжали «по-своему» решать эти вопросы.

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛАВНЫХ СПОРНЫХ МОМЕНТОВ У ЛИНГВИСТОВ

В 1933 г. вышло два капитальных справочника по вопросам орфографии (в Москве А.Б. Шапиро и М.И. Угарова и в Ленинграде под редакцией Н.Н. Филиппова) [2], и оказалось, что большинство спорных вопросов орфографии в них решено в полном несогласии; нечего и говорить, что различные «орфографические инструкции», исходившие от Госиздата и других издательств [6], только усугубляли разнобой и между собой, и между печатью в целом, с одной стороны, и школой – с другой. Для того чтобы добиться единства правописания и разработать полный каноничный свод правил орфографии и пунктуации, равно обязательный как для школы, так и для печати и делопроизводства, в 1933–1934 гг. были образованы комиссии: одна – при Ученом комитете языка Наркомпроса, другая – при Академии наук. В 1936 г. согласительная комиссия объединила работу обеих комиссий, и результаты этой более чем двухлетней работы поступили на рассмотрение правительственной Комиссии по упорядочению правописания под председательством наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова [2]. В настоящее время эта комиссия закончила свою работу, и окончательно отредактированные «Свод орфографических правил» и «Свод пунктуационных правил» поступают на утверждение правительства СССР. Так как основной задачей работы комиссии была не реформа, а полная регламентация правил орфографии и пунктуации и унификация колеблющихся написаний, то безусловных «новшеств» в предлагаемом орфографическом законе совсем не будет.

IV. АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ

Следующие примеры покажут, какого рода трудности встречаются на этом пути и когда унификация себя оправдывает, когда нет.

«О» и «е» после шипящих. Разнобой в написании

Наиболее запутанным вопросом русской орфографии является написание о или е после шипящих. Любая попытка сформулировать принятое в настоящее время в практике наталкивается на очевидный разнобой, существовавший еще и при Гроте, но сильно увеличившийся с тех пор благодаря неуклонному увеличению написаний с о. Разнобой здесь имеется двух типов: во-первых, одни и те же корни или суффиксы пишутся и с о, и с е: жолудь и желудь, жолоб и желоб, решотка и решетка, поножовщина и поножевщина, разжовывать и разжевывать, волчонок и волченок и т.п.; во-вторых, однородные случаи по-разному отражены на письме: черти и чорт, но учебный и учеба; Балашов, Борщов, но Камышев; существительные ожог, поджог пишутся с о, а соответственные глаголы ожег, поджег – с е; шорох, но шелк и т.п. В корнях сохранение е (под ударением, когда произносится о) более привычно (черный, желтый, челка, отчет, начес, щетка, решетка, щеки, жены), хотя имеет целый ряд исключений (жох, жом, чорт, шов, чопорный, шоры, шопот, шорох, чохом и др.); в суффиксах написания с е скорее следует рассматривать как исключения (мешок, сапожок, волчок, печонка, книжонка, ножовка, но парчевый, холщевый и др.): в окончаниях безраздельно царствует о (ножом, хрящом, плечом, свечой, межой, чужого, большого и т.п.); особняком стоит предложный падеж местоимения что (о чем, на чем; а также почему), глагольные формы прошедшего времени типа поджег, сжег, учел, прочел, ушел и глагольные окончания лжешь, лжет, печешь и печет. Как будто бы ясно, что именно в этом вопросе накопленный многими десятилетиями и отражающий в себе все этапы борьбы о и е разнобой нуждается в унификации. В каком же направлении она могла бы быть наиболее целесообразной? Прежде всего следует разъяснить некоторые недоразумения.

1. Есть ли в русском алфавите буква ё? Нет. Существует лишь диакритический значок «умлаут», или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избегания возможных недоразумений, например, для различения все и всё, узнаем и узнаём, ведро и вёдро (в последних двух примерах различение могло быть достигнуто и другим способом: постановкой знака ударения: узнаем, ведро); для указания точного произношения малоизвестных слов (преимущественно имен собственных). Настаивать на написании ё везде, где ему «полагается быть», никто не станет, а тем более добиваться этого ё от полиграфии, машинописи, телеграфа и т.п. Эта «мнимость» ё должна быть учтена и в решении интересующего нас вопроса.

2. Существует мнение, что «хорошо бы» установить написание е после ч и щ, так как они мягкие, а о – после ш, ж, так как они твердые, как мы различаем нес (н – мягкое), и нос (н – твердое), т.е. писать чехом, щетка, волчек, девченка, свечей, печеный и т.п., но жох, шов, мешок, книжонка, межой, лужоный и т.п. Попытаемся объяснить, почему это вовсе не «хорошо».

Прежде всего, как после тех, так и после других шипящих может быть в произношении и ударное е, и ударное о, которые важно различать: жест, но жосткий, чехом («жителем Чехии») и чохом («оптом»), чек (банковский) и чок (в стволе ружья), Шер и Шор и т.п. Но главное-то состоит в том, что в русском языке есть 12 согласных (п, б, ф, в, т, д, с, з, м, н, р, л), которые могут быть твердыми и мягкими и различаются последующими гласными а–я, у–ю, о–е (ё), ы–и: например, кона – коня, кону – коню, коны – кони, коном – конем. Шипящие же в отношении твердости и мягкости не могут быть парными: ш и ж всегда тверды, ч и щ всегда мягки. Изображать звук [о] буквой е (ё) после мягких ч и щ и буквой о после твердых ш и ж – все равно что писать чай, щюка, шыть, жыть и т.п. Поэтому писать после шипящих следует одну из пар букв и, конечно, основную: а, у, и, о, а не я, ю, ы, е (ё).

Итак, каковы же могут быть пути унификации в отношении гласной после шипящих?

1. Всегда последовательно писать е как в корнях, так и в суффиксах и окончаниях, т.е. писать: черный, желтый, челка, отчет, начес, щетка, решетка, щеки, жены, жех, жем, черт, шев, чепорный, чек, чехом, шепот, шерох, шеры, печенка, книженка, мешек, сапожек, волчек, кочевка, холщевый, разжевывать, ножом, хрящем, плечем, свечей, межой, чужего, большего, плече, хорошо, свеже, лжешь, печешь, сжег, ушел, о чем. Этот способ изживает все исключения, дает полную унификацию, не вызывает необходимости разного написания гласной под ударением и без ударения (мешек и камешек, жевать и разжевывать, жены и жена, жернов и жернова, черт и чертовщина, жех и жеховатый и т.п.); однако он нарушает основные правила русской орфографии о том, что «под ударением пишется та гласная, которая слышится», и, кроме того, создает целый ряд «ребусов», например, вечер, ты помнишь, выюга злилась (надо читать вечер), уже я приду (надо читать ужо); чек, чехом, шев (надо читать чок, чохом, шов) и т.п. Если в корнях необычные написания с е охватят не свыше 10 случаев, то в суффиксах и окончаниях придется пишущим коренным образом переучиваться (мешек, рожек, межой, ножом, большего, плече, хорошо). Последовательное проведение написания е после шипящих было бы отказом от всего завоеванного в этом вопросе в течение 100 лет и оказалось бы возвратом к догровским временам.

2. Всегда писать после шипящих о под ударением, когда произносится о как в корнях, так и в суффиксах и в окончаниях, т.е. писать чорный, жолтый, чолка, отчот, начос, щотка, решотка, шоки, жоны, жох, жом, чорт, шов, чопорный, чок, чохом, шопот, шорох, шоры, печонка, книжонка, мешок, сапожок, волчок, кочовка, холщовый, разжовывать, шалашом, ножом, хрящом, плечом, свечой, межой, чужого, большего, плечо, хорошо, свежо, лжощь, печощь, сжог, ушол, о чом. Этот способ также изживает все исключения, дает полную унификацию, не нарушает основного правила русской орфографии о том, что «под ударением пишется та гласная, которая слышится», и разрешает все «ребусы» (дружить с чехом, но оценивать чохом, банковский чек, но чок в стволе ружья, настал уже вечер дня другого, но вечер, ты помнишь, выюга злилась, уже я явился, но ужо я приду и т.п.), и, главное, он последовательно доводит до завершения ту тенденцию русского письма, которая в течение столетия укреплялась, несмотря на «непоследовательную» позицию Грота, и ничего не возвращает вспять [3]. «Непривычное» в этом способе касается только двух вопросов: а) написания через о некоторых корней (в общей сложности не более 10-15), в том числе и таких, в которых безударные формы будут писаться с е (жена – жоны; чорт – ни черта; щека – щюку, шоки; жох – жеховатый и т.п.); б) глагольных форм и окончаний типа сжог, шол, прочол, лжощь, печощь.

Все остальные возможности унификации располагаются между этими двумя полюсами, и ни одна из них не может принести хорошие результаты; утвердить корни с е, а суффиксы и окончания с о – значит тормозить все более распространяющееся написание с о и даже обращать кое-что вспять; да и самый принцип неоднородного написания однородных случаев в корнях и в суффиксах не выдерживает критики; утвердить корни с о, но оставить с е только в некоторых ограниченных категориях (например, в глагольных окончаниях, в формах от что, может быть, даже в некоторых корнях) – значит остановиться на полпути и не довести дело до нужного конца, сохранив исключения; оставить е только в тех корнях, в которых этот слог может быть то ударным, то неударным, – тоже не выход, так

как в связи с наличием сложных слов каждый корень может попадать в безударное положение (жох – жеховат, чорт – чертогон, шолк – шелкопряд и т.п.), не говоря уже о том, что равнение по именительному падежу может посеять еще больший разнобой. Выход из данного затруднительного положения может быть только в последовательной унификации, или в направлении векового движения этого вопроса, т.е. в сторону распространения написания под ударением о без всяких исключений, или в направлении обратном, утверждая написания с е и тем отбрасывая эту орфографическую теорию на 100 лет назад [2].

Ян и яни, ен и ени?

Следующий пример может показать тот случай, когда унификация могла бы оказаться нецелесообразной. Есть два «слова» (обычно разъясняемые в отношении орфографии совместно), которые пишутся тройко: ветряный, ветренный, (под)ветренный, (про)ветренный и масляный, масляный и маслянный; казалось бы, что такая роскошь излишня и обременительна и что можно все «варианты» привести к «одному знаменателю». Однако на поверку это оказывается не так просто. Прежде всего эти два «слова» следует разделить, так как существует реальный глагол маслить, но нет глагола ветрить, следовательно, может быть причастие маслянный, но не может быть причастия ветренный, с одним же н существуют оба как прилагательные: масляный (например, блин, взгляд) и ветренный (например, день, человек); так же с е и с одним н пишутся производные существительные масленица, ветреница, ветренность и т.п. Кроме того, с одним н и я пишутся: ветряная мельница (сравн. ветряк) и масляная краска (сравн. глиняный, жестяной и др.). Унификация на е была бы здесь неоправданной. Унификация же всегда на одно н или на два н (нн) тоже не проходит, так как по правилу о написании причастий жирно маслянный блин и хорошо проветренная комната надо писать с двумя н, а в качестве прилагательных эти образования должны писаться с одним н: масляные глаза, ветренный день; скорее можно закрепить написание с одним н в приставочных прилагательных: подветренный, заветренный (которые пока что пишутся через два н). Из всего сказанного следует, что существующая практика имеет под собой почву и унификация в этом случае едва ли была бы оправданна, т.е. что следует писать: масляная краска, масляный блин (взгляд), жирно маслянный блин, ветряная мельница, ветренный человек (день), а также и подветренный, заветренный и т.п., ветреник, ветренность и хорошо проветренная комната.

Правописание прилагательных, образованных от географических названий

Следующий пример показывает, наоборот, такой случай, где без унификации никак нельзя обойтись, хотя вопрос сам по себе является узким. Написание прилагательных от географических названий в настоящее время не подчинено никакому твердому правилу: от Ялта пишется ялтинский, от Пенза – пензенский, от Жиздра – жиздринский, от Пресня – пресненский, от Семиречье – семиреченский, от Заручье – заурччинский и т.п. Допустим, что можно «заучить» несколько десятков наиболее часто встречающихся названий и прилагательных от них, но ведь подобных названий тысячи, и от каждого может быть нужда в прилагательном (для названия сельсовета, кооператива, завода и т.п.). Как писать: латненский или латнинский от Латная? Икшинский или икшнский от Икша? и т.п. Очевидно, латненский надо писать так же, как грозненский (от Грозный), что же касается прилагательного от Икша, то неизвестно, разнить ли его написание по типу ялтинский или по типу пензенский. Неудобство очевидно, а смысла в этом различном написании нет; ударные же случаи показывают здесь и мгинский от Мга; учинский от Уча и т.п. Рациональное правило могло бы быть сформулировано так: в прилагательных, оканчивающихся на -нский, пишется -инск-:

- 1) когда они образованы от имен существительных одушевленных на -а (-я), от которых возможно образование прилагательных притяжательных краткой формы на -ин: сестра (сестрин) – сестринский; Мария (Мариин) – мариинский; Никита (Никитин) – никитинский и т.п.;
- 2) когда они образованы от географических названий на -а (-я): Жиздра – жиздринский; Пенза – пензинский; Ялта – ялтинский; Пресня – преснинский; Икша – икшинский и т.п.;
- 3) когда они образованы от несклоняемых географических названий на -и: Сочи – сочинский и т.п.

Во всех прочих случаях пишется -енск-: кладбищенский, грозненский, латненский, гродненский, златоустенский, зарученский, красивомеченский, фрунзенский, коломенский.

Правописание пол с родительным падежом существительного

Следующий случай, охватывающий также небольшую, но отчетливую категорию, показывает, какие аргументы могут приниматься в расчет при унификации. В настоящее время написание слова пол (1/2) с последующим родительным падежом существительного различно в зависимости от разнородных причин: как правило, пол пишется слитно (полчаса, полведра, полметра), но оно пишется с дефисом, когда существительное начинается тоже с л (пол-литра, чтобы не читать поль-литра), с гласной (пол-уха, пол-яблока – здесь дефис играет отделительную

роль, чтобы не читать по-луха, по-яблока) и когда это существительное является именем собственным (пол-Москвы; здесь дефис нужен, чтобы сохранить признак имени собственного – прописную букву). Как будто бы исключений получается больше, чем правильных написаний, да и можно ли писать по-разному такие, например, случаи, как полметра, пол-литра? Грамматический анализ этих случаев ясно показывает, что налицо здесь два слова: 1) пол и 2) зависящий от него родительный падеж существительного; фонетический анализ обнаруживает, что при правильном произношении все эти случаи звучат одинаково, а именно: с двумя ударениями (пол-метра, пол-ведра, пол-уха, пол-яблока, пол-Москвы, а не п[а]луха или п[ъ]лведра и т.д.) [9]. Все эти рассуждения приводят к выводу, что данные случаи никак не следует писать слитно; писать же их через дефис или раздельно, решает традиция; так как дефисные написания для них привычны, раздельные же необычны, то, очевидно, писать их следует через дефис.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас большинство русскоговорящих все еще пользуется сводом правил орфографии 1956 года, уточненных и дополненных в академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации». Тем не менее регулярно обновляются орфографический и орфоэпический словари русского языка — в них вносят изменения (меняется формулировка правил) и дополнения (в словари входят новые слова). Так, существительное «кофе» в орфографическом словаре снабжено уже двумя пометами о грамматическом роде: «мужской» и «средний» (второй вариант помечен как разговорный). Но, как и в 1964-м [7], и в 2000-х [4; 8], не все изменения находят поддержку, и блюстители языковой нормы требуют придерживаться традиции. «Чуковский когда-то писал, что мы снимаем шляпу перед консерваторами, потому что благодаря строгому соблюдению норм мы можем сохранить традиционность, преемственность и понятность нашего языка, — подводит итог Яна Ахапкина. — Но не нужно забывать, писал Чуковский далее, что язык развивается, время идет, поэтому согласимся с ним в том, что нельзя игнорировать актуальные потребности говорящих» [цит. по 2].

VI. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Бреусова Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ. Автореферат... канд. филол. наук. – Красноярск, 2000. URL: <http://linguists.narod.ru/downloads4.html>
- [2] Григорьева Т. М. Три века русской орфографии. – Москва, 2004.
- [3] Грот Я. К. Русское правописание. – Москва, 1885.
- [4] Добродомов И. Чем грозила и грозит «реформа» орфографии // Русский вестник. – 2003. URL: www.rv.ru/content.php3?id=1099
- [5] Калакуцкая Л. П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник: К 100-летию В.В. Виноградова. – Москва, 1995.
- [6] Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия Академии наук СССР, 1934.
- [7] Рахманова Л. О реформе орфографии // Отечественные записки. – 2002. №1. – С. 177.
- [8] Храмых А. В. Проект реформы русской орфографии 2001-2002 гг.: опыт контент-анализа. – Петрозаводск, 2006.
- [9] Шереметевский В. П. К вопросу о единообразии в орфографии по поводу академического руководства “Русское правописание”: сочинения. – Москва, 1897.

Рецензент:

Т.В. Фёдорова

к.ф.н., доцент

Белорусский государственный университет

АВТОР(Ы):

Автор – Dilbar F. Nurmukhamedova, nurmukhamedova_dilbar@gmail.com

Корреспонденция – Dilbar F. Nurmukhamedova, nurmukhamedova_dilbar@gmail.com